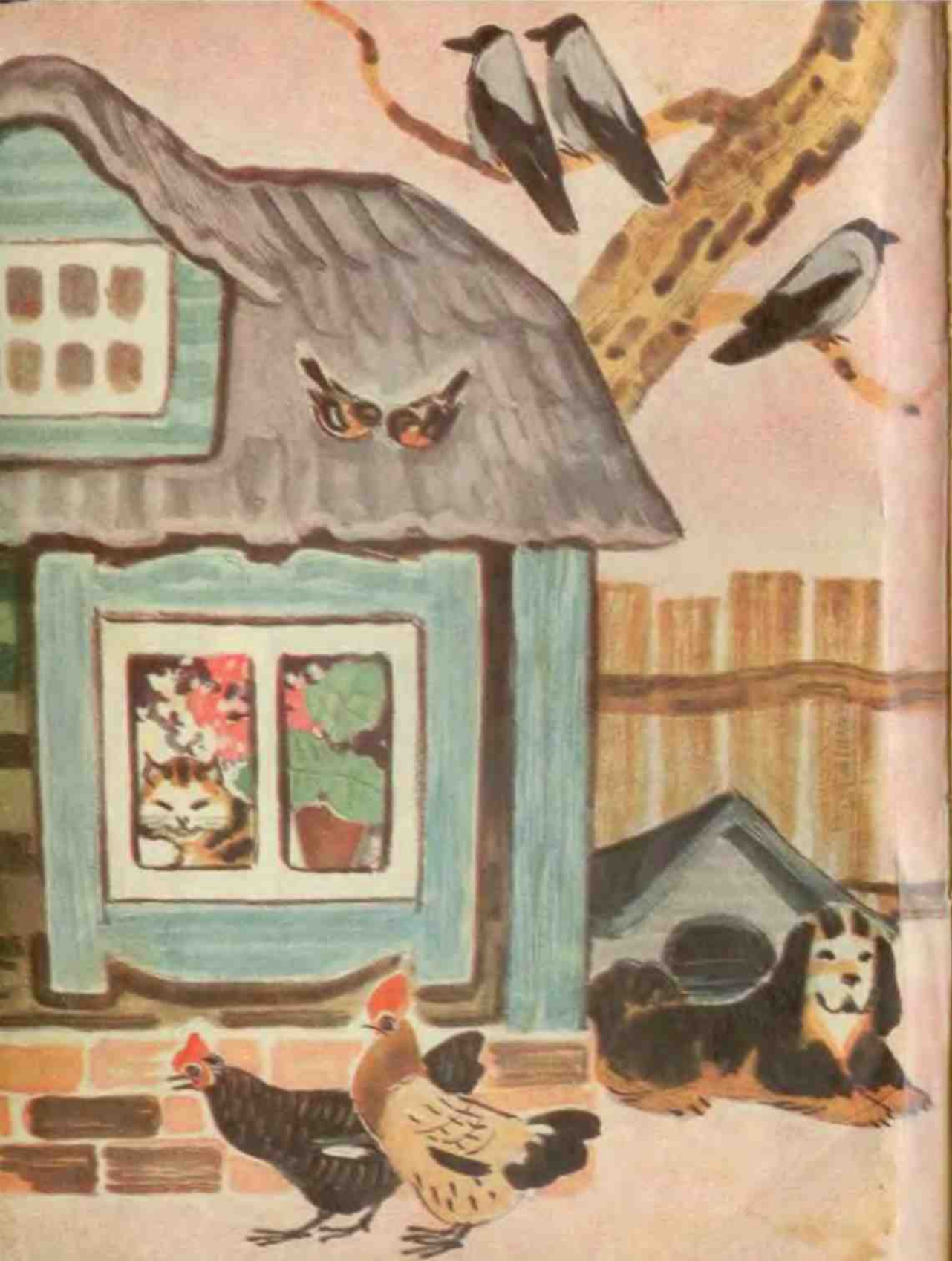
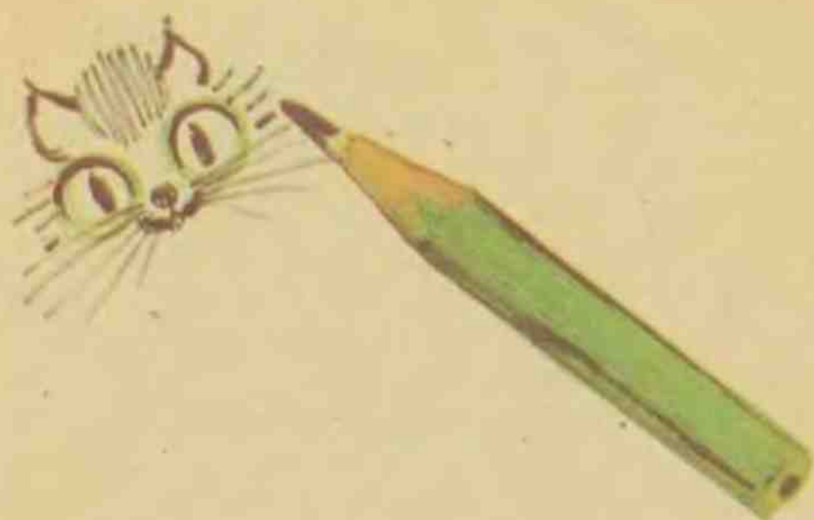

Борис Рабинич

РАУЖИШЕ
КОТЪКА

КАК КОТЬКА ПОСЕЛИЛСЯ У НАС

Котку никто не приглашал к нам жить — он сам явился. Не мы выбирали его — он выбрал нас.

Однажды наш дворовый пёс Томка загнал чужую кошку на столб под сарай. Томку вскоре привязали на цепь, но кошка продолжала сидеть на столбе, хмуро поглядывая вниз.

Прошёл день — всё сидит. Что с ней? Боится или не может спуститься? Мы поочередно ходили и смотрели на кошку, звали — не спускается. Кончилось тем, что к столбу приставили лестницу, мама держала лестницу внизу, я полез вверх и снял горемыку. Так состоялось знакомство с Котькой.

Это был крупный белый кот с тигровыми пятнами на спине и боках, с длинным гибким хвостом и большими колючими усами. На концах ушей у него торчали пушистые кисточки, как у рыси. Да и повадками он напоминал дикого зверя.

Вначале он всех сторонился, пугался лёгкого шума и забивался под стол или кровать. Каждый день для него ставили на кухне плошку козьего молока, клали кусочек мяса. Кот торопливо лакал молоко, а мясо уносил куда-нибудь в укромный уголок и там съедал, угрожающе урча. Судя по всему, у него не было хозяев, а если и были, он не дорожил ими. Прежняя его жизнь, видимо, была не слишком сладкой.

Раз, когда его захотели погладить, он зашипел, прижал уши и немедленно пустил в ход когти. После этого его оставили в покое. Пусть привыкает!

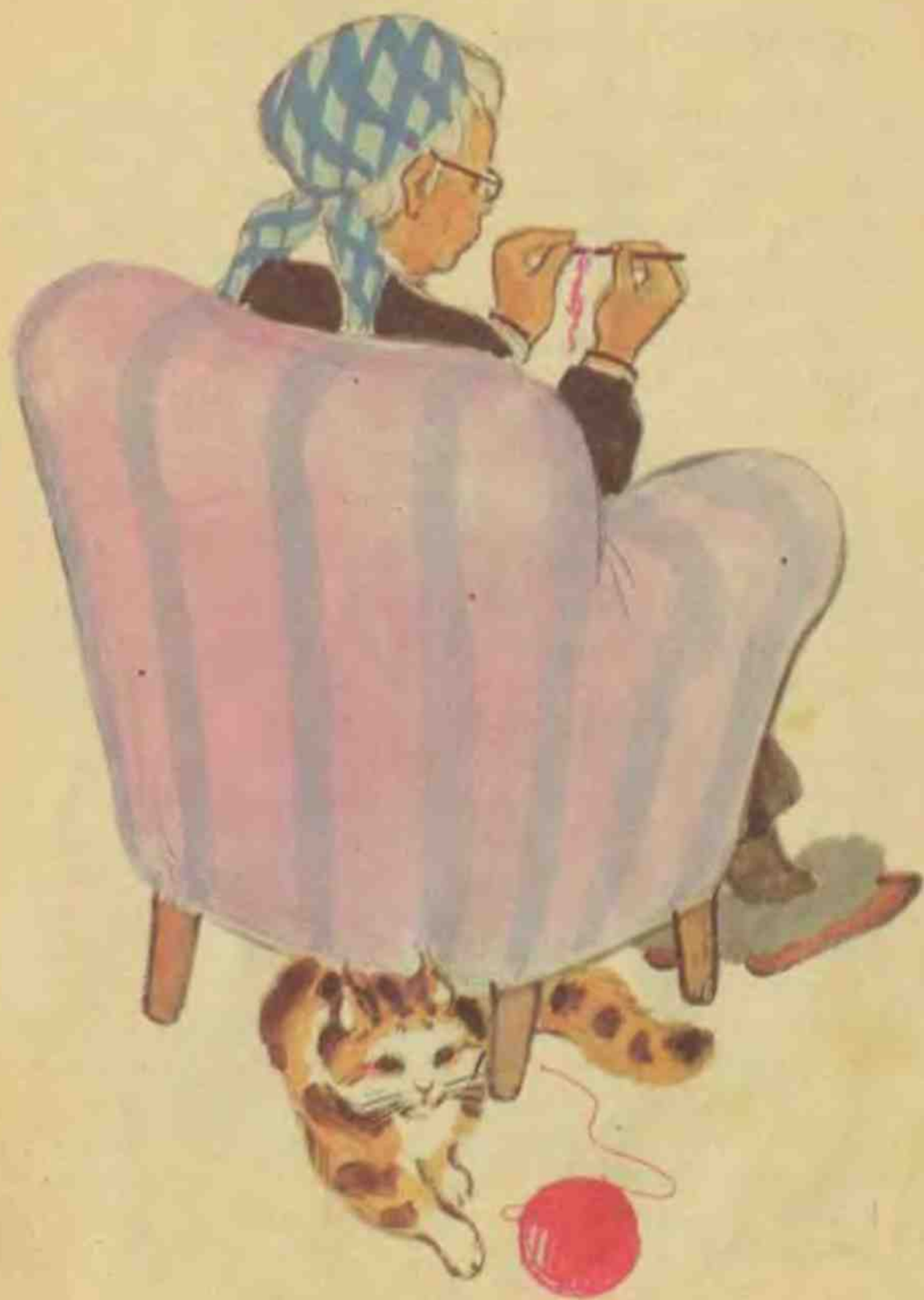
Время шло, и кот начал меняться.

Первый признак перемены — стал усердно мыться. День ото дня кот становился чище и красивее. Шерсть стала блестящей и пышной, хвост распушился, морда округлилась. И весь он раздался, стал сытый, довольный...

Теперь он разрешал себя гладить. И даже сам часто тёрся о ноги, выгибал спину и громко мурлыкал. Ласкаясь, вспрыгнет на колени и поёт, поёт...

Но насколько он был ласков со своими, настолько же неприветлив и сварлив с чужими. Даже прикоснуться к себе не позволял. Мгновенно разъярится, зашипит, оскалит зубы, как собачонка... Берегись! Все наши знакомые носили следы его когтей.

Его считали нелюдимым, а мне, признаться, нравилась такая черта: значит, коту не всё равно, кому дарить своё внимание!

КОТКА — ОЗОРНИК

Чем дальше, тем кот делался всё озорней.

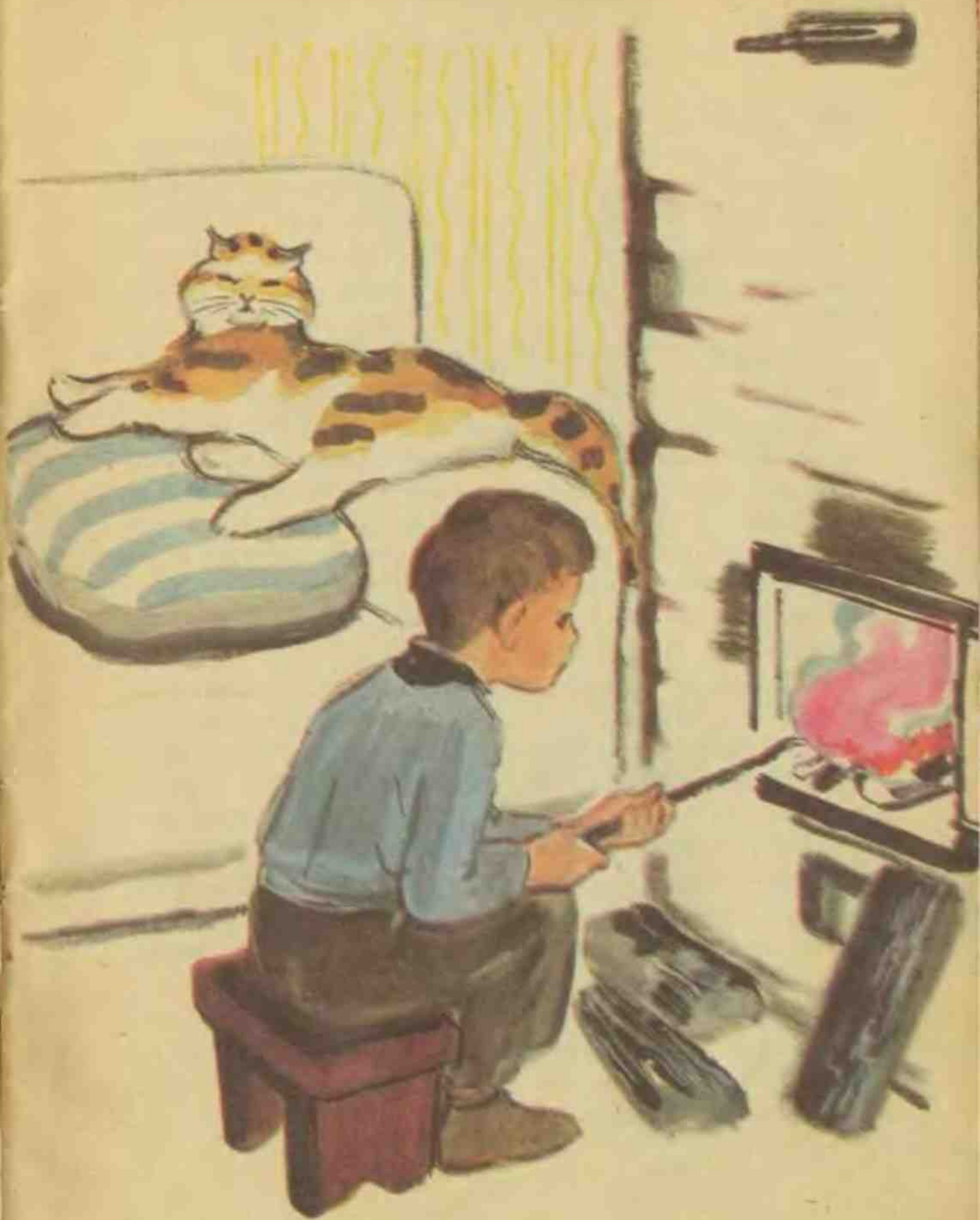
Целыми днями он носился по дому. Кто бы мог подумать, когда он с мрачным видом сидел на столбе, враждебно поглядывая вниз, что он окажется таким игривым.

Любимым развлечением кота было забираться под половики, собрав их в кучу со всего пола. Это значило — Котка сидит в засаде. Оттуда он ловил лапкой за ноги всех проходящих, а иногда, случалось, там же и засыпал.

У моей бабушки было много примет, связанных с животными. Если кот, заваливаясь спать, свертывался в клубок и закрывал лапкой нос, бабушка говорила, что это к стуже. И точно: обычно Котка спал в такой позе, когда на дворе холодно.

Зимой излюбленным местом его был валик дивана, стоявшего около голландской печи. Валик был скользкий, обтянутый клеёнкой. Разоспавшись, иногда кот скатывался с него и шлёпался на пол. Это приводило кота в страшный-конфуз. Тотчас же вскочит и ошарашенно озирается по сторонам, словно недоумевая, как это могло с ним случиться, заметили другие или нет?!

Кот никогда не падал на спину. Откуда бы ни сваливался, всегда успевал перевернуться в воздухе и упасть на лапы — такова повадка всех кошек. В этом им помогает хвост. Хвостом, как рулём, они управляют телом; поэтому, даже упав с большой высоты, кошки редко расшибаются. И потому они не боятся высоты.

КОТКА-ОХОТНИК

Очень скоро у Котки пробудился охотничий азарт, и кот частенько не ночевал дома.

Началось с того, что он принялся охотиться за мышами у нас дома. И скоро навёл порядок в чулане.

Отныне оставляй на полках что хочешь: орехи, крупу — ничего никуда не денется.

С весны Коткин охотничий тадант развернулся во всём блеске. Переловив и распугав всех мышей в чулане, он перенёс арену действия за стены дома — принялся за ловлю птичек в саду. Но тут коту не повезло. Когда он принёс первую пойманную птичку домой, ему крепко попало от моей матери: не лови птичек! Больше он с птичками дома не показывался.

Однажды Котка исчез. Его не было два дня. А когда он вернулся, все всплеснули руками: ну, хорош! Весь в паутине, в пыли. Но настроение у кота было отличное. Он лукаво жмурился, лениво бродил по квартире, затем забрался в уголок дивана и проспал без малого сутки.

Через несколько дней стало известно, что он сидел у соседей в амбаре — караулил крыс. После этого он стал частым гостем в соседних амбарах и чуланах.

Скоро о Коткиных похождениях узнали все, охотничий талант сделал Котку желанным гостем, и его никто не обижал.

Котка сделался знаменитостью!

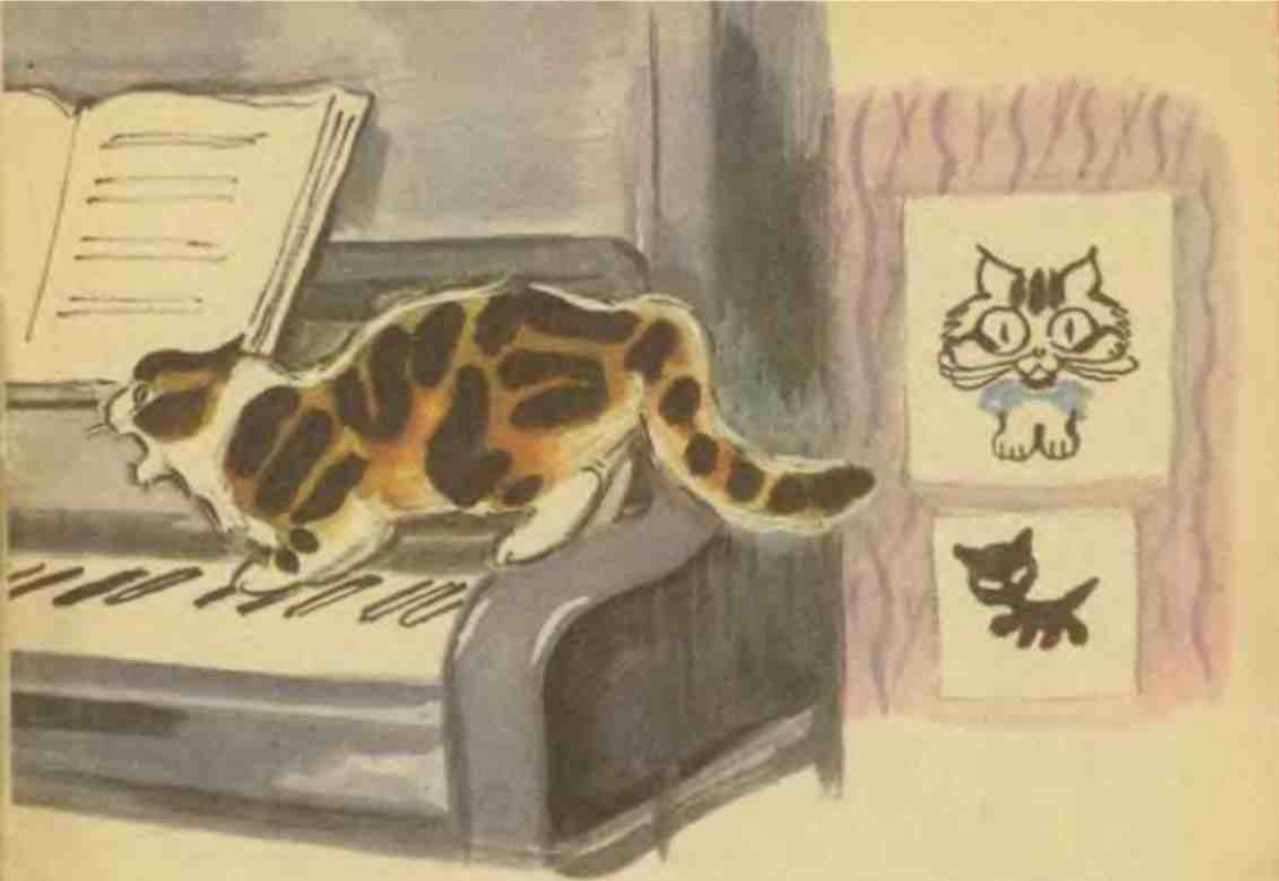

НОЧНАЯ СЕРЕНАДА

Летом мы не поехали в деревню — надо было заканчивать ремонт дома. И вот, как только установилась сухая тёплая погода, маляры приступили к делу. Из дома вынесли все вещи, лишь на верхнем этаже оставалось пианино, закрытое чехлом. Обычная жизнь шла лишь на кухне — до неё ещё не дошёл черёд.

Мы спали — кто на сеновале, кто в саду под деревом, а дедушка с бабушкой — в амбаре.

Моё место было на жёстком тюфяке под навесом. Родители считали, что не гоже парню нежиться на мягких перинах, и я сохранил эту привычку — спать на жёстком — на всю жизнь.

Среди ночи я проснулся. Кто-то словно толкнул меня. Ночь была тихая. Лишь издали доносилось бреханье собак да стрекот кузнечиков.

Я уже начал вновь засыпать, как вдруг...

Меня словно подбросило пружиной. Кто-то играл на пианино. Очевидно, этот звук и заставил меня пробудиться! Ещё и ещё... Кто-то медленно

перебирал клавиши. Среди ночи! В пустом доме!
Кто это мог быть?!

Стихло. Может, почудилось? Нет, опять...

Представьте: ночь-полночь, все люди спят, спит город, а тут в темноте кто-то музицирует на вашем пианино... Я думаю, и у нетрусливого побегут по телу мурашки!

Около меня возникла фигура в белом. При том состоянии, которое было тогда у меня, я легко мог принять её за привидение. Хорошо, что мама заговорила, это враз вернуло меня в мир реальности и придало храбрости.

— Ты слышишь? — вполголоса сказала мама. — Кто там?

Конечно, самое лучшее, если бы сейчас вместе с нами оказался папа, но папы не было дома. Он был в деревне, на полевых работах по землеустройству.

Мы стояли и напряжённо вслушивались. А таинственный музыкант всё продолжал меланхолически перебирать клавиши. Мелодии я не различал. Да, по-моему, её и не было. Просто кто-то тыкал пальцем: до, ре, опять до, а теперь си или ля...

Что за наваждение!

И вдруг раздался взрыв яростного кошачьего воя. Его сопровождал нестройный аккорд... Коты!!!

— Кошки, — сказала мама. — А кто открыл пианино?

Кто открыл? Да я же не закрыл после того, как занимался днём. Теперь я припомнил это.

Ах, зачем я признался в этом маме! Она сейчас же сказала:

— Надо сходить закрыть. А то опять начнут играть...

Хотя я и знал, что играли коты, но всё-таки идти в пустой дом одному после такого концерта было жутковато. Пришлось, однако, послушаться и исполнить приказание мамы.

Но едва я приблизился к крыльцу и поставил ногу на ступеньку, опять раздался взрыв дикого кошачьего крика, с воем и визгом с лестницы кубарем скатилось несколько кошек и скрылись в темноте ночи. Последним мчался Котька. Он гнал чужаков. Подозреваю, что это он и разгуливал по пианино, пока чужие коты не помешали ему.

С той ночи я всегда закрываю пианино.

КОТЬКА ЗАТОСКОВАЛ

На следующее лето мы опять всей семьёй уехали в село Степаново, где папина землеустроительная партия уже не первый сезон производила большие работы. Дома остались бабушка и дедушка.

Спустя недели две или три мама наведальась в город. Взяла и меня с собой. Дома нас встретила встревоженная бабушка.

— Васька-то... — бабушка упорно отказывалась признавать Котькино имя и называла кота Васькой, как кличут всех деревенских котов. — Васька-то без вас совсем от рук отбился. Ничего не ест, дома не живёт, худющий стал — все кости наружу! Третьева дня ушёл, так и не бывал. Жив, не жив — не знаю...

Бабушка рассказала, что ночью после нашего отъезда кот долго ходил по опустевшей квартире и печально мяукал, словно кого-то звал. Утром он отказался от молока и ушёл на сеновал. К вечеру пришёл, помяукал в пустых комнатах и опять ушёл. Все эти недели он обитал вне дома и, хотя наведывался каждое утро, пищу не принимал, молоко не лакал, на руки не шёл, а последние три дня не показывался совсем.

— Заболел, что ли? — недоумевала бабушка.

Я кинулся искать Котьку. После долгих поисков, весь вывозившись в пыли, расцарапав руки в кровь и порвав гвоздём рубашку, я, наконец, нашёл кота на карнизе под кровлей сеновала. Да и это мне удалось лишь благодаря помощи Томки. Верный пёс повсюду ходил за мной и тоже искал, время от времени поднимая голову и втягивая ноздрями воздух. Понимал ли он, что я ищу Котьку, я не знаю, но думаю, что понимал: ведь я звал громко: «Котька! Котька!» Томка задержался около дверей сеновала, и это навело меня на след.

Котька один-одинёшенек сидел в знакомой позе, сжавшись в комочек. На моё «кис-кис» он лишь медленно повернул голову.

В сарае был полумрак, свет проникал лишь через щели и слуховое оконце-треугольник, прорезанное в досках. Глаза кота тоскливо светились. Я протянул руку и погладил его по спине. Неожиданно он взъерошился, выгнулся, как будто увидел смертельного врага, громко зашипел и ударил меня лапой. Резкая боль обожгла руку. Когти у него

были, как бритвенные ножи, на руке выступила кровь. Я закричал на кота:

— Ты что — не узнал?!

Котёк спокойно спрыгнул с карниза и, не обращая на меня ни малейшего внимания, как будто меня и не было вовсе, медленно побрёл к двери. Я ничего не понимал. Что с котом? Принять меня за чужого?! Такого ещё не бывало никогда. На пороге Котёк остановился, яркий солнечный свет ослепил его, он зажмурился. Тут я и взял его на руки. Он больше не сопротивлялся.

Только теперь я мог разглядеть его. Котёк был неузнаваем. Он невероятно исхудал, бока ввалились, грязная шерсть торчала клочьями. Казалось, это совсем не наш Котёк.

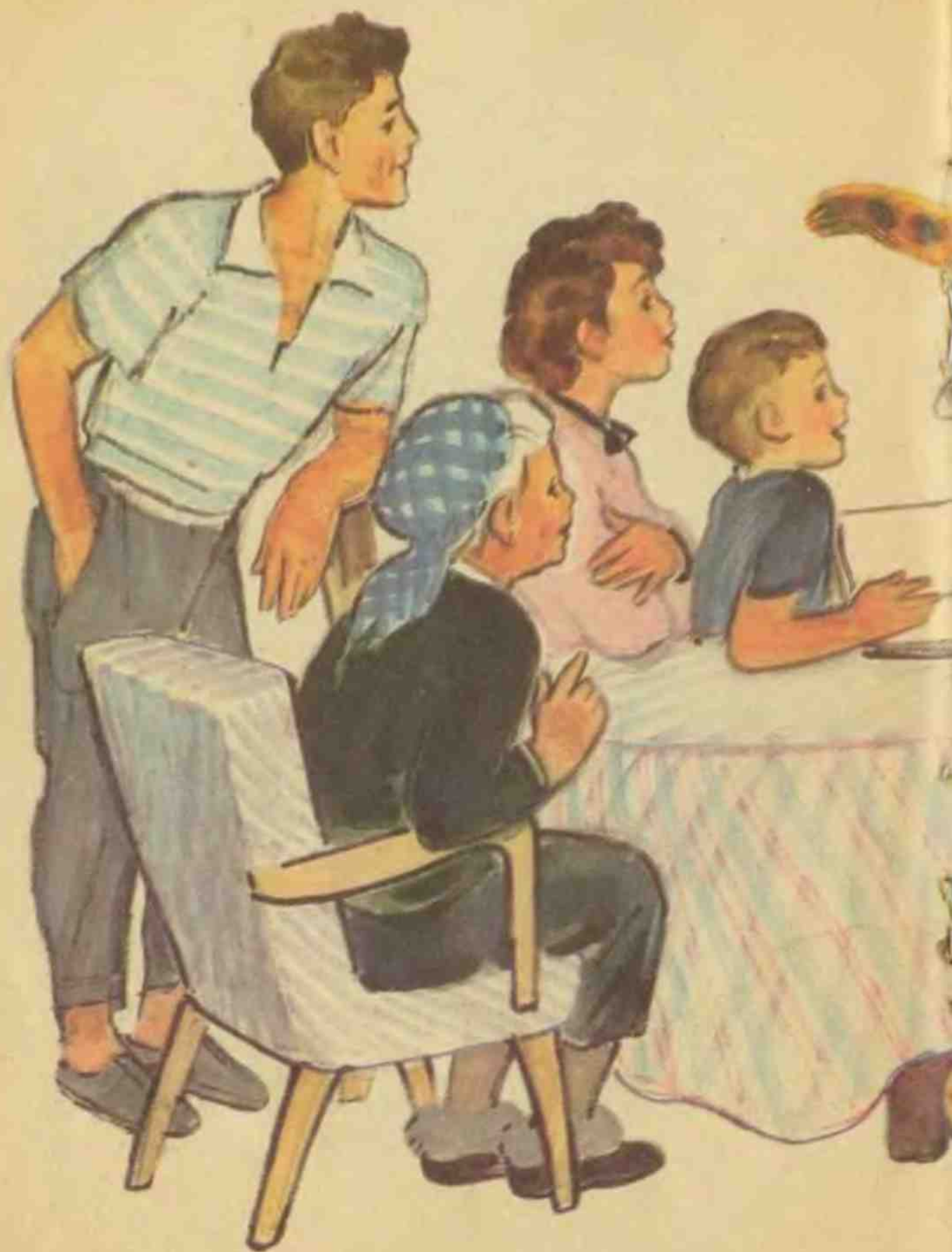
К вечеру кот немного отошёл. Он словно лишь теперь узнал своих хозяев. Начал ласкаться и мурлыкать, а на ночь улёгся спать у меня в ногах.

Наутро он носился по квартире как одержимый. Играл, ловил нас за ноги, громко, задорно мяукал, качался на занавесках и шторах, словом, вновь стал походить на прежнего Котёку. А перед сном долго и тщательно мылся, счищая трёхнедельную грязь.

Мы все стали в тупик: что случилось с котом? Что за странная болезнь? А если не болезнь. . . что тогда? Но поскольку всё окончилось благополучно, быстро успокоились и перестали об этом говорить.

Прожив в городе несколько дней, мы уехали опять.

В следующий раз мама поехала проведать дом и хозяйство лишь через месяц и одна. Я остался

в селе с папой. Вернулась она не пустой — в руках держала большую плетёную корзину, повязанную сверху платком.

— Держите, — сказала она, подавая мне корзину. Корзина была тяжёлой, в ней кто-то шевелился.

Приподняв платок, я хотел заглянуть в неё. Неожиданно из корзинки выскочил. . . Котька! Да, это был он, наш весельчак и озорник Котька. Мама привезла его с собой.

Она рассказала:

— Котька-то. . . откалывает номера! Вы думаете, почему я привезла его? Он ведь опять чуть не сдох. В тот раз ничего не ел, а в этот и вовсе. . . едва живого из амбара вытащили! Кое-как молоком отпоили. Стали давать, так ещё не пьёт, уморить себя решил, что ли. . . Обиделся! Вы думаете, почему он тогда из дому ушёл? Затосковал!!! А ещё говорят: кошки не привязчивы. . .

Вот вам и «нелюдим!»

Котька начисто опроверг устарелое предвзятое мнение, что кошки неспособны привязываться к хозяевам, что им важны лишь дом да еда. Больше Котька ни разу не расставался с нами.

КОТЬКА — СЕЛЬЧАНИН

Дня три Котьку держали взаперти, никуда не отпускали. Потеряется, жалко. Зачем везли!

Кот очень быстро освоился на новом месте и чувствовал себя как дома. Видно, самое главное для него было — наша близость, наше присутствие.

Затем Котьку стали выпускать на улицу. Первое время он далеко не уходил, не хотел или боялся потеряться, и всё нежился в саду на солнышке. Иногда, правда, вдруг подскочит как ужаленный: увидит пролетающую птичку или бросится за бабочкой — не поймает и опять лежит, жмурится сладко. А то примется кататься на спине, наберётся пыли — хоть бери веник да выбивай, как старый пыльный ковёр. Раз бросился за пчелой, лапкой прищёпнул её к земле — пчела зло зажужжала и ужалила кота в нос. Котёк отскочил, но было уже поздно. Несколько дней он ходил со скошенной набок физиономией — это научило кота уважать пчёл, однако не укротило его пыла. Охотничий азарт постоянно брал верх, и мне после ещё не раз приходилось видеть, как кот вприпрыжку носился за пчелой или осой, всегда успевая отскочить и спасти свой нос от повторного пчелиного укуса, как только возникала реальная угроза.

Потом, освоившись окончательно, кот взялся за своё любимое ремесло: пошёл по амбарам ловить мышей. Кстати, в селе это было проделывать даже удобнее, чем в городе: в нижнем углу дверей у деревенских амбаров обязательно выпилено небольшое квадратное отверстие — ход для кошек. Не надо просить, чтобы открыли и впустили. Сперва Котёк очистил от нахлебников амбар наших хозяев, после перекочевал в соседние амбары.

Опять, как и дома, отлучки кота становились всё продолжительнее, а вскоре со всех сторон посыпались рассказы о Котёкиных похождениях: там

он учинил расправу над крысами, там распугал всех мышей — с восхищением сообщали хозяева амбаров.

Однажды кот вернулся мокрый. Упал ли он куда-нибудь или же кто-то выкупал его ради шутки? Странно было, однако, то, что спина и голова были сухие, а лапы и живот — мокрые. Где он подмочился, так и не удалось установить.

Прошло несколько дней — опять кот мокрый... Что за история, куда ходит кот? И в следующий раз, когда его выпустили на улицу, я решил последить за ним.

Получив свободу, Котька нырнул в подворотню, после перебежал через дорогу, спустился на луг и по тропинке, протоптанной крестьянами, хо-

дившими за водой, мелкой рысцой потрусил прямёхонько к речке. Когда я, стараясь держаться в отдалении, достиг спуска к речке, Котька был уже у воды. Избранная дорожка, видимо, была хорошо знакома ему. Куда он направлялся? Уж не на мельницу ли? Тут на пути преграда — широкая полоса воды, а кошки, как известно, очень неохотно идут в воду и плавают только по принуждению, в безвыходных обстоятельствах.

Наш Котька и тут оказался оригиналом. Подобрал тело в упругий комок и тщательно прицелившись, он с разбега точно рассчитанным толчком перенёсся на зелёную кочку, торчавшую посреди прозрачных водяных струй, затем, качнувшись (я думал, он вот-вот потеряет равновесие и свалится,

но этого не случилось) и перебрал лапами, как это всегда делает кошка перед прыжком, примерялся ещё раз и прыгнул... в воду.

Я думал, он сейчас поплывёт, но этого не произошло. Котыка не погрузился по шею или даже до ушей, как я ожидал. Очувтившись по брюхо в воде, он в ту же секунду сделал новый прыжок, затем ещё... ещё... каждый раз погружаясь немного больше, немного меньше, но ни разу выше половины туловища. Река в этом месте была неглубока, а дно усеяно подводными камнями, и кот умело использовал их, точно попадая с камня на камень. На последнем камне он задержался чуть-чуть дольше. Расстояние тут было больше! Измерив его глазами, кот напряжился и богатырским прыжком перемахнул на берег.

Вот он уже и на суше... Отряхнувшись, не оглядываясь на реку — можно было подумать, что он очень спешил или уже настолько привычным ему было проделывать всё это! — поднялся по откосу и исчез в кустах.

Так вот отчего Котыка приходил мокрый! Он искал охотничьих просторов! Ему, видите ли, мало амбаров на этом берегу, так он повадился ещё ходить за речку. Нетрудно было догадаться, что его влекло туда: конечно, мельница. Добычи там для него, как на всякой мельнице, было более чем достаточно.

Позднее, как-то встретившись с моим отцом, мельник, не без гордости за Котыку, сообщил:

— Ваш-то кот ходит ко мне хомяков пугать. Добрый кот. Отдайте мне его...

Кота, конечно, ему никто не отдал, но Котыкины прогулки за речку не прекращались до самого нашего отъезда в город.

КОТКА МЕНЯЕТ АДРЕС

Котка прожил у нас восемнадцать лет, до глубокой кошачьей старости. Но даже будучи в преклонном возрасте, он порой всё ещё показывал резвость молодого, был игрив и весел; а уж как начнёт тереться да мурлыкать на всю комнату — не остановишь! Став старше, он сделался даже более ласков, более привязчив. Он стал больше спать, а во сне посапывал — старость! Может, видел себя в сновидениях молодым и снова переживал все свои приключения, может, опять шёл на мельницу через речку, ловить хомяков, а может, уже донимали старческие болезни. Время брало своё. И глаза уже не глядели так остро, как прежде.

Котка вошёл в нашу семью, как её неременный член и друг. После Котыки все кошки у нас были только бело-пегие с тигринкой, все «Котыки» — очень похожие на него, и иногда, вспоминая о нём, я даже путаюсь: кто был Котка-первый, а кто второй, третий. . . Кажется, всегда у нас жил только один — Котка.

После того случая, когда Котка чуть не околел от тоски, он больше никогда не расставался с нами. Ежегодно он выезжал вместе с нами в деревню, а под конец жизни ему пришлось совершить большое путешествие — переезд из Кунгура в Свердловск. Папу перевели в Свердловск, за ним

проследовали мы с мамой, ну и, разумеется, никто из нас не захотел разлучиться с Котькой.

Переезд этот тоже запал мне в память. Конечно, не обошлось без происшествий. В самый последний момент, когда уже надо было садиться на извозчика, кот вдруг пропал. Кинулись его искать туда, сюда — нет как нет!

— Кис, кис! Котька, Котька!

А время уходит, до поезда оставалось уже меньше часа: а до вокзала не близко. . . Неужели уезжать без кота?!

Бабушка заявила: нельзя ехать. Потерялась кошка — плохая примета, житьё на новом месте не будет счастливым. У бабушки на всё имелись приметы!

И тут мне словно кто-то шепнул: посмотри на сарае, помнишь, где он сидел, когда ты приехал из деревни. . .

И — точно. Кот был там. Как тогда, он сидел, забившись в уголок под стреху, сжавшись печально в комочек.

Что он чуял? Догадывался, что мы навсегда прощаемся с нашим старым уютным домом, с садом, огородом, с нашим Кунгуром, где мы родились и выросли? Что впереди ждёт совсем другая жизнь, жизнь в большом городе? Кто знает. . .

Дело было в январе, стояли морозы под сорок градусов. Мама укутала кота в тёплый платок и посадила в плетёную сумку, с которой ходила на базар. В крытой извозничьей пролётке приехали на вокзал. Котька в дороге вёл себя спокойно, только несколько раз тревожно мяукнул.

В ожидании поезда на вокзале кота вынули из сумки и распеленали. Он оживился, потёрся о ножку стула, походил немного по полу и забрался на колени к матери. На коленях было теплее, и, вероятно, он там чувствовал себя спокойнее.

Ехать в поезде предстояло целую ночь. Как быть с котом? Не сидеть же ему до утра в сумке? Мать освободила его из плена. Котыка сейчас же отправился разгуливать по вагону. Тогда отец приспособил из тесёмки ошейник и посадил кота на привязь. Котыка притих. С несчастным видом он смотрел непонимающими глазами по сторонам. За что его привязали? В чём он провинился? Подходили пассажиры, ласкали его, угощали лакомствами. Котыка казалось, не замечал ничего. Маме стало жалко беднягу, и она сняла с него ошейник. Котыка ожил, съел угощение и, мурлыча, пустился по вагону заводить знакомства.

До поздней ночи он бродил из одного купе в другое. Пассажиры смеялись и с удовольствием принимали у себя пушистого путешественника. Однако Котыка нигде не задерживался подолгу. Обследовав весь вагон, он вернулся в своё купе и до утра проспал, свернувшись калачиком около меня на верхней полке.

Чужой город встретил морозом с ветром. Ехали на автомобиле. Котыку сильно трясло. Он вырывался, сбил с себя платок и выставил голову из сумки. Мама с трудом удерживала его в руках. На новой квартире кот сразу же сел угрюмо на полу у печи, не двигаясь, просидел так остаток дня и весь вечер.

Утром его нашли на том же месте. Он сидел не шевелясь, опустив голову и полузакрыв глаза. Мама хотела погладить его и ужаснулась: уши кота представляли два сплошных водяных пузыря. Котыка обморозил их, когда его везли в машине.

Началось лечение. Уши осторожно смазывали вазелином, хотя, как я узнал позднее, это не следовало делать: надо было спиртом. Кот вырывался, царапался. . . Он сутками ничего не ел и не пил. На него было жалко смотреть.

Прошли дни. Кот выздоровел, повеселел. Он опять принялся мыться, играть, с аппетитом уплетать всё что ни дай. Обидно было лишь, что теперь у красавца Котыки такие некрасивые голые уши. Но что делать, новые уши коту не приставишь.

Все наши сожаления были преждевременными. Прошло ещё какое-то время, и на розовой кожице появился нежный пушок, выросли волоски. Вскоре уши вновь покрылись шерстью. Не отросли только маленькие, похожие на рысьи, кисточки; кончики ушей так и остались закругленными. . .

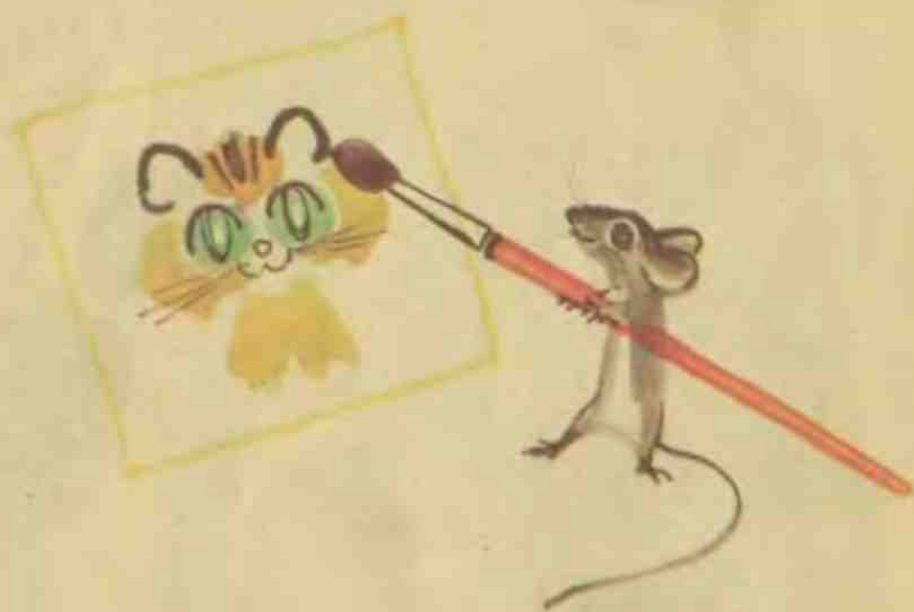
Дружище Котыка! И поныне в нашем доме хорошо помнят его. Всегда, когда речь заходит о кошках, я вспоминаю Котыку. А когда кто-то говорит: «Не люблю кошек», думаю: разве можно их не любить? Как можно быть равнодушным к дружбе и ласке такого милого, славного и преданного существа?

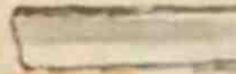
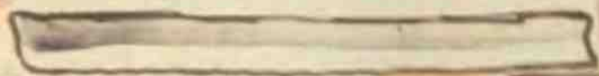
Сколько раз мне приходилось слышать, что кошка безразлична к человеку, ей всё равно где жить. Какие глупости! Чтобы опровергнуть этот

злостный вымысел, я и рассказал про нашего уса-
того маленького дружка — Котьку.

Почему люди порой клеветают на животных?
Да просто потому, что они не знают их. И когда
я слышу хулу в адрес животных, слышу, как кто-то
ругает их, мне всегда жаль... нет, не животных,
они от этого не становятся хуже, — жаль людей,
ибо они чего-то так и не узнали, не открыли для
себя...

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Борис Степанович Рябинин

ДРУЖИЩЕ КОТКА

Художник А. Брей

Редактор Г. Медведева. Художественный редактор Л. Розова
Технический редактор М. Матюшина. Корректор Н. Шадрина
Сдано в производство 18/V-72 г. Подписано в печать 11.XII.72
Формат 60x84^{1/2}. Печ. л. 2,25. Уч. изд. л. 2,07.
Тираж 300 000. Изд. № 1999. Заказ 2522.

По оригиналам издательства «Малыш» Государственного комитета
Совета Министров РСФСР по делам издательства,
полиграфии и книжной торговли
Типография изд. ЦК КП Литвы. Вильнюс, Тисос. 1.